

ОЛЕГ ДЕНИСОВ

Ливень

Олег Денисов

Ливень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400315

ISBN 9785447470609

Аннотация

Герои рассказов этой книги – обычные люди, только вот безмятежное течение их жизни вдруг нарушается. Оказываясь во власти невероятных обстоятельств, они начинают меняться и совершать непредсказуемые поступки – или пытаются принять происходящее, хотя кажется, что весь мир ополчился против них. В результате герои сталкиваются с последствиями своих действий, заставляя читателя задуматься: что это – небесная кара, испытание, посланное свыше, дурной сон или просто жизнь в одном из своих проявлений? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Гость	5
Полнолуние	30
Золотое сердце	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ливень

Олег Денисов

© Олег Денисов, 2023

ISBN 978-5-4474-7060-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гость

Казалось бы, почему мне не быть довольным этой жизнью? Если подумать, то всё, вроде бы, нормально. Как у всех. А если прочувствовать, то получается, что хуже просто быть не может. Хочется выть от тоски по чему-то лучшему, несбыточному. И душа оттого, что ей чертовски тесно, покрывается зелёной плесенью, ноет и ноет и вот-вот или усохнет на смерть, или взорвётся под действием процесса гнилостного брожения.

Ну не находит она спокойствия и удовлетворения ни в чём! Нудная работа – это явно не для меня, тесная жизнь в убогой квартирке – временное явление, скудное на события и блеклое существование – тихий привал перед победоносным сражением, а всё остальное... Всё остальное – чёртова засасывающая рутина, от которой стараешься отгородиться. Но толку мало. От всяческих телодвижений стены рушатся и котлован становится только шире. Такая жизнь засасывает, как тряпина, но пока ещё виден край, и я непременно за него зацеплюсь и выберусь. Выберусь, выберусь. Ну а пока почему мне не быть просто удовлетворённым вполне удобными и благоприятными условиями своей жизни?

Я прихожу на работу, делаю обход, запираюсь у себя в камерке и могу спать, или пойти к КИПовцам, потрепаться и поиграть в нарды, а могу заняться тем, для чего избрал ме-

ня Бог. Или чёрт? Не знаю.

Так ли уж важно, кто именно указывает мне путь и определяет мою миссию? Но он зудит: пиши, пиши, пиши! А что, чёрт побери, писать? Я пробую и выкидываю, пробую и выкидываю. Сажу в этой темнице с зарешеченным окном, в окружении штабелей с манометрами и думаю: что писать? И где эта муза, без которой, если даже очень хочешь, всё равно ничего не можешь? Это глупо и жестоко. Почему они «там» дали мне желание, но не договорились о трудолюбии и не обеспечили вдохновение? Работать ну просто невозможно, лень. И творчество не идёт без необходимого поводыря-вдохновения. А вдохновение – это что? Небольшая бандероль с небес? Или меня должна воодушевлять моя Ленка? Бред. Ленка – это Ленка. Я бы сказал, на что она может вдохновить, да неуместно здесь. Скорее всего, я сам что-то делаю не так? Невнятно, недостойно, глупо...

От горестных дум меня отвлек стук в дверь. Я быстро спрятал тетрадь, передвинул разобранный прибор с края стола на середину и пошёл открывать.

– Паша, пузырёк есть?

– Последний, – ответил я. – Гони валюту, – взял десять рублей и выдал бутылку водки «Пшеничная».

Да, я ещё и барышничал между делом. Гнал дома самогонку и ту, что не выпивал с приятелями, таскал через проходную на комбинат и продавал. А если не гнал, то шёл с Ленкой в ЗАГС, подавал заявление о бракосочетании, получал

два приглашения в магазин и шёл с ними выкупать полагающиеся на свадьбу четыре ящика водки.

А потом – то же самое, что и с самогонкой.

Я тратил время и силы на то, на сё. На еду, Ленку и шмотки. А главное делал урывками, прячась между штабелей с манометрами, точно зная, что другого времени я на это не выделю. А голос звал – пиши, пиши! – и иногда хотелось послать его к чёрту, но было жаль. А вдруг? А вдруг оно произойдёт? О-о, это несомненно.

Ясно как день. Иначе быть не может.

И голос гнул меня в бараний рог, играя на амбициях, и я переводил бумагу, не понимая – да где же то самое, великое?

Рабочий день закончился. Я быстро переоделся, засунул палку полукопчёного сыра за пояс, шматок расплющенного сливочного масла положил на дно сумки и пошёл через проходную. Изображая полное спокойствие, я в общем потоке прошмыгнул её и в том же потоке поплыл на остановку. Но где-то в глубине моих мозгов какой-то червячок шевелился и не давал мне покоя. Что-то меня тревожило, но что? Сыр я уже переложил в сумку, масло, несмотря на жару, не должно растаять до дома, тетрадь я спрятал, каморку закрыл. Так что ещё?

Но я шёл, особо не озадачиваясь этим, довольный собой и гордый. Неописуемо красивый и молодой – продал несколько пузырей, спёр сыр с маслом; предприимчивый и умный, да к тому же будущий писатель. Так стоит ли

утруждаться мелочами?

Жизнь прекрасна, хоть пока и не достойна меня. Пережду её такую, пропорхаю по ней, как стрекоза, не утруждаясь, не напрягаясь, не вникая, – до лучших времён.

Причина беспокойства выяснилась перед дверью в мою квартиру. Её нечем было открыть.

Вот незадача... Припрятанное за поясом масло вот-вот потечёт, в животе от голода тянет, а ключи остались в рабочем халате. Ну ладно, что же, не впервой ломать свою дверь, но надо же, как назло, после последнего взлома я её так хорошо, на совесть отремонтировал, что теперь придётся или разнести в щепки соседским топором, или вынести вместе с косяком.

Ой, ну за что мне всё это? Сегодня пятница, на комбинат теперь не попадешь до понедельника. Но чёрт с ним, с комбинатом. Жить ведь где-то надо все эти дни?

Слава богу, второй этаж и, слава богу, путь по дереву и в форточку уже опробован. А дерево вообще как родное. Столько раз приходилось снимать с него глупую соседскую кошку, что я залез бы на самую его макушку с завязанными глазами.

Я закинул сумку на плечо и на раз-два-три забрался на подоконник. Соседи у подъезда без удивления проводили меня насмешливыми взглядами – типа, чаще ходит через окно, чем в дверь, – и продолжили свой бесконечный консилиум о житье-бытье. А я спокойно вошёл в открытое окно...

Слез с подоконника, поправил шторы, повернулся – и обомлел. В моём кресле, лицом к телевизору, а спиной ко мне сидел человек.

– Эй, ты что здесь делаешь?

– Сажу дома и телевизор смотрю.

– Он выключен! – неожиданно даже для самого себя заорал я. – Как ты сюда попал?

– Нормально, через дверь. А вот ты лазишь в окно.

Я ощутил дикий ужас и никак не мог понять – отчего? Что-то снова было не так, и опять я не мог понять, что именно?

– Кто ты такой?

– А ты не узнаёшь? Я – это ты. Великолепная твоя половина.

Панический страх парализовал меня до того, что я едва нашёл в себе силы обойти кресло вокруг и, обойдя, рехнулся окончательно.

В моём кресле сидел, собственной персоной, мой труп. Совершенно очевидно, что это был мёртвый я. Но этого не может быть! Я метнулся в ванную к зеркалу и, увидев там своё живое отражение, полил из душа холодной водой себе на голову. Всё чувствую, всё вижу. Трезвый. Но, вернувшись в комнату, застал всё ту же картину. Пейзаж не изменился. Я стоял, а мой труп сидел. Определённо от такой картины у кого угодно ум за разум зайдёт. Но я, будучи человеком с богатым воображением, уже принял это за факт и, перестав

удивляться, приступил к действиям. Я потолкал его, потрогал, пощупал пульс, понюхал и убедился окончательно, что это точно труп. Притом труп с душком. И не удивительно: ещё сутки в такой духоте, и он начнёт вонять так, что все соседи сбегут из квартир, а мухи со всей округи, наоборот, слетятся сюда на пир. А потому надо срочно избавляться от тела. Но как? Если это умер я, то куда деваться мне живому?

Я обшарил его карманы и ничего в них не нашёл. Абсолютно ничего и никаких документов, в частности. Это ж надо, какая фигня.

Если вызвать милицию, то чёрт его знает, что они решат. Посадят или упекут в дурдом меня живого. Приятели тоже вряд ли поймут. Сплетен и насмешек потом не оберёшься.

– Похорони меня и не мучайся. На высоком холме, с почестями, а на могиле поставь высокий дубовый крест.

– Что? Кто это говорит? – я быстро огляделся, заглянул под диван и шкафы, но никого больше не увидел. – Это ты, что ли, говоришь? – я внимательно присмотрелся к его поси-невшему лицу. Мой шрам над бровью, кривые зубы. Определённо, это моя морда. Очень похожа.

– На мне есть примета, – сказал я, – которую трудно под-делать.

– Ой, брось. Нашёл тоже достопримечательность. Хотя, что скромничать? Он очень даже хорош. Очень, очень класс-ный. Один, на сотни.

– Ну а всё же?

– Перестань. У меня ведь то же самое.

– Ой, молодец. Всё знаешь, – ну, разговаривает труп каким-то образом – значит, разговаривает, – подумал я. Что ж теперь. – А если я позову, например, соседей, ты скажешь им, что я тебя не убивал?

– Ты, знаешь, Паша, сказать-то я скажу, но сомневаюсь, что они поверят мне. И тогда вовек тебе покоя не найти, потому что миссия твоя останется не выполненной. Ты не напишешь своего романа и умрёшь, как жил, дураком, непрошибаемым остолопом, так и не поняв по-настоящему ничего в жизни, да ещё в тюрьме или дурдоме. А разве этого мы достойны?

– Ну ты, кусок тухлятины, повежливее.

– Не напрашивайся.

– Я не пойму, если ты – это я, то я что, должен похоронить самого себя?

– Я! – вдруг гневно заорал он. – Доблестный граф Аустерлиц! Я участник победоносных сражений, я пил, ел и воевал плечом к плечу с людьми, о которых сложены легенды, я видел и делал такое, что тебе и в страшном сне не приснится! Мне сам чёрт не брат, а боги восхищаются мною и покровительствуют мне! Меня осыпали золотом короли и президенты, гордые красавицы сходили по мне с ума! Я имел в этом мире всё, что хотел! А ты кто такой? Ты, пыль придорожная, называешь себя мною? Ты, жалкий человеческий зародыш, ворующий маргарин с комбината, называешь себя мною?!

– Я не ворую маргарин.

– Тебе, безликому засранцу, выпала великая честь. Тебе выпала возможность упокоить тело и душу великого Аустерлица. Зиг!

– Хайль! – рявкнул я.

– Так выполни эту миссию с честью. Ты уже отмечен тем, что выбран для этого дела. Так не осрамись и увидишь – за благое дело будешь вознаграждён небесами...

В моей голове ролики за шарики зашли. Мгновение назад передо мной был гневный Аустерлиц с моим лицом, а сейчас сидел посиневший труп с той же самой физиономией, и я не знал, происходило это в моём воспалённом воображении или наяву. Поскольку наяву такого быть просто не может, но я всё это наблюдаю, вижу, осязаю и щупаю, – то, значит, я сам нахожусь там, где такое возможно. В дверь позвонили, я спрыгнул со стола и в панике заметался.

– Паша, – закричала Ленка из-за двери, – это я. Открой!

– А-а, это ты, Лена. У меня ключей нет, я сейчас вылезу в окно. Иди, подожди внизу, – и я спустился по родному дереву на улицу.

Я схватил Ленку под руку и повёл её подальше от соседей и подъезда.

– Ты должна мне помочь, – зашипел я ей, – мне очень нужна чья-нибудь помощь. Только не надо меня ни о чём сейчас расспрашивать. Ты сделай, как истинный друг и влюблённая девушка. Помоги, не задавая вопросов, и если даже станет

страшно и непонятно – не отступай до конца.

– Ты меня пугаешь. Что случилось?

– Дело в том, что я и сам не знаю. Но надо провести одну не очень приятную и хлопотную операцию, а одному мне это сделать тяжело. Поэтому я и прошу тебя. Ты готова помочь мне?

– Это опасно?

– Не знаю.

– Нас не посадят в тюрьму?

– Не знаю. Но послушай, – возмутился я, – ты любишь меня или нет?

– Может, и люблю, но не знаю, до такой ли степени...

Я, глубоко поражённый её ответом, громко выругался, но с выбранного пути не свернул.

– Поехали, – сказал я и потащил её к дороге, – в похоронное бюро «Ритуал».

– В «Ритуал»!? Зачем?

– Гроб для меня покупать.

В похоронном бюро выяснилось, что для того, чтобы купить гроб, надо иметь свидетельство о смерти.

– Мне для себя, – сказал я и тут же пожалел. В глазах тётки, которой я это сказал, засветился недобрый огонёк, а пальцы её руки зловеще заплясали по столу. Мне привиделись здоровенные санитары и мерзкий, тщедушный доктор в очках, ехидно спрашивающий: – Так вы что, батенька, умерли?

На выходе меня перехватил шустрый мужичок в синем халате.

– У меня есть то, что тебе надо, – тихо сказал он и взмахом руки позвал за собой. Мы с Леной оказались в столярной мастерской, расположенной за конторой «Ритуал».

– Вот как раз под твой рост, – сказал мужичок и показал на обтянутый красной материей ящик. – Подходит?

– Надо бы посолидней, лакированный, с ручками...

– Ну, знаешь ли, такие нарасхват. Не успеваем снабжать население, так сказать. Этот вот чисто случайно здесь задержался, и мастера, как назло, с утра больные. И ввиду такого совпадения можем выручить тебя за то, что ты выручишь нас. И денег возьмём не много, на лекарство. И тебе сэкономленные деньги помогут с горем справиться. Ну, что скажешь?

– Беру.

– Подгоняй машину.

Да, машину.

Я вышел обратно на улицу и, увидев припаркованный у магазина уазик, решительно направился к нему. Дверь оказалась открыта, но ключей в замке не было. Не раздумывая, я вырвал провода, уселся за руль и легко завёл машину.

– Откуда? – зашипела Лена.

– Молчи, молчи. Садись в кабину. Мужики, грузите побыстрому.

Через мгновение гроб оказался в чреве уазика, а я, впрыг-

нужно в машину, дал по газам.

– Мужики! – крикнул я, немного отъехав. – Буду жив, привезу вам ящик пива. Спасибо, что выручили.

– Да хоть на пузырь дай, козел!

– Нету!

– Ты угнал машину?! – восхищённо проговорила поражённая Ленка. – И украл гроб?!

– Я это сделал исключительно под давлением обстоятельств. Ты не представляешь, как они на меня давят. Дышать не могу.

– Не ожидала от тебя такого. Ты, оказывается, герой. Я восхищена.

– Н-да, – смутился я, – когда-нибудь я стырю для тебя букет цветов.

– Спасибо. Я таю. Мне так приятно. А куда мы, кстати, едем? К тебе домой?

– Ко мне мы поедem попозже.

– А жаль. Я бы хотела к тебе сейчас.

– Видишь ли, Лена, у меня дома находится господин Аустерлиц. В любом случае, он помешал бы нам осуществить то, о чём ты подумала.

– Так мы едем в другое место?

– Да, мы едем в другое место.

– Как романтично. Ты заинтриговал меня. А куда? Это будет сюрприз?

– Пожалуй, что да. Сначала мы заедem ко мне в сарай,

за инструментом, а потом – на кладбище.

– Фи-и. А почему туда?

– Дело в том, что мы ещё не всё, что нам надо, добыли.

Надо спереть дубовый крест.

От того, что мне предстояло сейчас сделать, у меня волосы на голове дыбом вставали. Но в определённый момент, ещё там, дома, стало наплевать на всё. Как будто жить осталось один день.

Я на узике въехал на территорию кладбища, не останавливаясь. С кем-то я здесь был на похоронах и потому помнил, что недалеко от той могилы возвышался большой деревянный крест. А вот и он.

Я развернул машину, взял в кузове пилу с топором и за полминуты свалил крест.

Несколько человек молча прошли мимо меня. Пожилая женщина в недоумении остановилась неподалёку.

– А что это вы делаете? – спросила она.

– Ломаю крест, – ответил я. – Лена, помоги скорее. Он очень тяжёлый.

Лена, вся красная от стыда и возмущения, подошла ко мне, но промолчала.

– Извините, – не унималась женщина, – а зачем вы его ломаете?

– Сюда сейчас привезут огромный мраморный бюст.

– А-а...

– Вы не поможете? – попросил я.

– Ну конечно. А вон мужчины идут. Молодые люди, помогите, пожалуйста! – позвала их она. – Что же это вас одного отправили грузить такую махину?

– Знали, сволочи, что хорошие люди помогут.

Молодые люди оказались охранниками, но женщина быстро всё им объяснила, и мы сообща засунули крест в узик, после чего я подвёз джентльменов до кафе.

Лена, с трудом дождавшись, пока они выйдут из машины, набросилась на меня.

– Я не могу поверить, что ты решился на такую мерзость! Это была чья-то могила, а ты хладнокровно ограбил её! Ты подлец и вандал! И вообще, я просто не узнаю тебя. У меня в голове не укладывается, что ты можешь всё вот это вытворять! Тебя словно подменили. Если бы я не видела своими глазами, то ни за что бы не поверила, что ты способен вот на такие выходки. Что с тобой случилось, и для чего всё это? Кого ты собрался хоронить?

– Сейчас увидишь.

Я поставил машину в кустах за домом, и мы с Леной пошли к подъезду.

– Я ключи забыл на работе, так что придётся лезть в окно.

– Ну, залезь и открой дверь изнутри.

– Не могу. Изнутри тоже нужны ключи.

– Я не полезу по дереву!

Я задумался.

– Жаль, могла бы познакомиться с герром Аустерлицем.

Тогда, может, подождёшь внизу, пока стемнеет?

– Я вообще уйду!

– Ты обещала быть со мною до конца. Я поверил тебе. А кроме тебя, я в этом деле не могу больше никому доверять. Так, значит, ты бросишь меня сейчас?

– Мерзавец, ты играешь на моей порядочности. Я по ряду причин должна бы сейчас уйти, но не уйду. Вот так. Но как я полезу по этому дереву!? Я вся исцарапаюсь, порву колготки и юбку!

– Я куплю тебе другие. Да и дерево это я уже своей задницей отполировал. Тебе не попадётся ни один сучок, – я протянул ей руку. – Ну что, пойдём?

– Я боюсь, вдруг упаду. А если дверь, – с отчаянной надеждой в голосе произнесла она, – сломать?

«Идиот, пожалей девушку, не втягивай постороннего человека в свои личные дела. Пусть идёт домой».

– Но мне нужна помощь! – заорал я, задрав голову кверху.

«Ты далеко не рыцарь, друг мой».

– Что ты сказал? – спросила Лена.

– Я сказал: иди домой. Не стоит тебе никуда лезть, и вообще, я сожалею, что с самого начала втянул тебя в это. Это была ошибка, так что дуй домой, а я справлюсь без тебя.

«Очень тактично. Ты бы ей ещё в морду дал».

Через минуту я впрыгнул к себе домой.

– Вот ты скажи, – начал я, – чего ты понукаешь и с указаниями лезешь? Ты решил, что я совсем ничего не сообра-

жаю? Как, по-твоему, я один вытащу тебя из квартиры? Или ты сам пойдёшь?

В ответ я не услышал ничего. Постояв немного в удивлении, я усмехнулся – ну правильно, он же труп, почему он должен говорить? И, взяв в ванной топор, стал вырубать замок в двери. Изуродовав окончательно и бесповоротно дверь, но всё же открыв, я натянул на голову Аустерлица кепку до самых ушей, подхватил его за талию, закинул его руку себе на шею и повёл на улицу.

– Ну и тяжёлый же ты.

Двое соседей на площадке с любопытством смотрели на нас.

– Перебрал, сволочь, – сказал я. – Вообще не дышит. Может, поможете? А то уроню, не дай бог. Шею сломает...

– Чего-то запах от вас какой-то... Обделался, что ли?

– Сам ты обделался.

– Ты уж без нас как-нибудь, не торопись, осторожно...

– Спасибо за совет, соратники. Помощь, так сказать, не делом, а словом. Дверь захлопните и квартиру посторожите, пока я вернусь. Ограбят ещё.

– Ой, ой, ой. Унитаз, что ли, снимут?

Выйдя на улицу, я перестал церемониться с достоинственным герром, на пределе сил, бегом поволок его к машине и усадил, наконец, у колеса.

– Да сколько ж ты вешишь?

«Мертвецов тянет к земле, дружище».

– Опять заговорил, – пробормотал я. – Лучше б помог. Я вообще думаю, что ты ходить можешь. Ко мне домой ты же пришёл?

«Ты насмотрелся ужасов по ящику».

– Ну-ну. Поднимай задницу.

Отдышавшись, я открыл заднюю дверцу уазика, затащил тело внутрь, уложил его в гроб и бегом вернулся домой. Там я взял подушку, простынь, все свои скудные сбережения, отложенные на закупку водки и сахара, с сожалением взглянул на распахнутую дверь, махнул рукой и ушёл.

Вернувшись к машине, я застал около неё ненаглядную Ленку.

– Я поеду с тобой, – прошептала она с широко распахнутыми глазами. – Я буду помогать тебе во всём.

– Отвали. Это секретная миссия.

– Под пытками не выдам тебя.

– Надо будет рыть могилу. Лопатой. Видела когда-нибудь лопату?

– Буду рыть лопатой, ногтями и зубами.

– С чего это такая жертвенность? Курнула ты, что ли?

– Ни капли в рот, ни... К сожалению.

– Искренне сочувствую. Может, примешь для храбрости горячительного? Я прихватил.

– А давай выпьем вместе? Помянем, и, может быть, тебе полегче станет.

– Я за рулём. Гаишники, если остановят, права отберут.

Хоть у меня их и нет, но всё равно жалко будет. Так что пока воздержусь. Да и легче мне не станет. А ты выпей для решительности, не стесняйся. Прямо скажу: проводы в последний путь этого герра – занятие не для слабонервных.

– Я, как и ты, тоже пока не буду.

– Тогда пойдём, сможешь уложить его на последнее ложе, и поедем к месту его последнего причала.

– Пойдём, поедем, поплывём. А скажи, это ты убил его?

– Дура, он сам умер.

– Вы так похожи. А кто он? Твой брат?

– Моя тень. Поехали, напарница. И имей в виду, если что, пойдём по одной статье, но в разные районы крайнего Севера. Так что близость чувств и тел в освещении пламени любви нам с тобой не светит. И потому вознаградить тебя за преданность я не смогу. Подумай об этом, пока не поздно спрыгнуть с подножки.

– Жми на газ, Паша, – насмешливо ответила Лена, – и думай о хорошем. Расчёт я с тебя получу уже сегодня.

Это всё неправда. Не может быть, чтобы вся такая положительная и правильно воспитанная Ленка вот так безрассудно, словно подвыпившая беспризорница, вела себя. Да и я потерял и страх, и совесть, и что-то ещё, тупо мешающее жить.

Я сейчас гнал на трясущемся уазике по городу, без прав и документов на него, голодный и немый, но как никогда

сосредоточенный на выполнении стоящей передо мной задаче. И точно знающий, что другого способа сделать то, что я делаю, просто не существует. Аустерлиц должен быть похоронен мною и потому, несмотря ни на что, надо действовать именно так, и будь что будет. Я как будто повзрослел сразу на целую жизнь. Разве мог я всего день назад безропотно брать личную ответственность за что-то, полагаясь при этом только на себя, не жалея и не думая о себе, любимом? Разве мог я, вырвавшись из зависимости от мнения всех посторонних, вести себя вот так, как сегодня? Не гордясь собой и не восхищаясь и рискуя свободой?

По странным, одному мне понятным причинам – с сомнительным призом в конце.

Нет, не мог. Я бы всего этого не сделал. И потому всё это неправда, или я – это не я...

Но уазик прыгал на выбоинах и трамвайных рельсах, в гробу подпрыгивал герр, гремела обшивка, Ленка, сжав зубы, цеплялась за что могла и молчала. На посту ГАИ мне махнули полосатой палкой. Я остановился и, решив действовать в этот раз нахрапом, вышел, громко хлопнув дверью, а гаишник, снова замахав жезлом в сторону моего уазика, закричал:

– Двери сзади закрой! Гроб потеряешь!

Двери действительно были открыты. Наверное, открылись на ходу.

– Придурок, – уже не услышал, а, повернувшись к нему,

угадал по губам гаишника его последнюю фразу. – Езжай, – и он забыл обо мне.

– Сволочь, подонок! – вдруг завопил герр Аустерлиц, – ты что, кирпичи везёшь? Как ты смеешь так грубо обращаться с моим драгоценным телом!? Скотина! Поезжай медленно!!! А то будет тебе анафема! Медленно! Понял?! Подлец!

– Да понял я, понял. Извини.

Когда какое-то время везёт в делах, зависящих только от удачи, начинает казаться, что сам бог распростёр над тобой свою участливую длань. И если так, то, значит, ты чем-то это заслужил, может быть, ты с самого рождения отмечен им, а может, ты заслужил это покровительство своими делами и мыслями и тем, что ты такой классный. Так или иначе, но когда фортуна поворачивается к тебе лицом и потом не покидает во второй раз, и в третий, и в пятый, – начинает съезжать крыша оттого, что иного объяснения, чем то, что ты избранник, – нет. Волей-неволей начинаешь верить в высшие силы и думать о том, что «некто» оберегает тебя от неприятностей и непоправимых ошибок, затем только, что ты ему нужен. А раз так, то, значит, ты неуязвим.

Окрылённому удачей и безнаказанностью, тебе уже кажется, что ничто тебе, баловню фортуны, в этой жизни не угрожает, но есть законы, которые незримо присутствуют и правят в человеческом обществе тысячи лет, и они гласят: за всё рано или поздно придётся отдавать или получать плату. За упорный труд и доброту воздается, а если дано аван-

сом, то непременно спросится. Если ты будешь только брать и брать и не пойдёшь по тому единственному пути, который указан тебе и который тебя манит с детства, то когда-то проиграешь в карты всё, споткнёшься на ровном месте, выбьешь себе глаз, лишишься друзей и любимых, потеряешь волю к жизни и само желание жить.

И, став ни для чего и никому не нужным, умрёшь...

Солнце уже упало на линию горизонта, когда я нашёл, наконец, подходящий холм на окраине одной из близлежащих деревень. С одной стороны виднелся висящий над городом смог, с другой, в извилинах дорог, пряталась деревня, а прямо под нами, внизу, простиралась гладь водохранилища.

«Красота», – удовлетворённо подумал я.

Я бы сам не отказался быть похороненным здесь. На покрытом зелёной травой холме, под высоченным, почерневшим от времени и ветров дубовым крестом. И пусть на него будут садиться вороны и глазеть на необъятные просторы этих земель, а снизу, с дорог и озёр, люди, увидев крест, станут гадать: что это там? Кто-то похоронен, а кто?

Да так себе, никто...

Мы с большим трудом спустили гроб на землю и подтащили его к краю могилы.

«Что ты вытворяешь, изувер? Ты собираешься спихнуть меня в эту яму и забросать, как собаку, землёй?! Это, потвоему, то, что я заслужил? Я, благородный граф, бившийся плечом к плечу с Бонапартом при Ватерлоо, буду зарыт, как

сдохшая лошадь? Да как ты посмел даже подумать о таком, жалкий понос?! И неужели ты подумал, что тебе это удастся?!»

– Конечно, удастся, – я просунул стропы под днищем гроба и подал концы Лене. – Начинаем, – сказал я. – Постарайся не уронить. Вперёд.

«Нет! Я сказал!»

Крышка гроба отлетела, и герр Аустерлиц, выскочив, как чёрт из табакерки, принял сидячее положение в гробу.

Лена с диким воплем отскочила и, выпучив глаза размера куриных яиц, остолбенела в стороне. Я, бросив верёвку, тоже отшатнулся, но быстро взял себя в руки.

– Ты что творишь? – заорал я.

«Здесь должен быть оркестр и толпа из моих друзей, любовниц и единомышленников. Пушки на конных лафетах и шестеро негров с белыми верёвками у гроба вместо вас!»

– Так где же все они?!

«А я откуда знаю?! Это всё твоя забота!»

– С кем ты разговариваешь? – спросила дрожащим голосом Лена.

– С ним! – рявкнул я и показал на сидячий труп пальцем. – Ему нужен оркестр и пушечная канонада!

«Да!» – подтвердил герр.

Лена сделала несколько медленных шагов и, осев на землю рядом с нашим импровизированным столом, взялась за початую бутылку с водкой.

– Ты, сволочь! Я головой рисковал, я потратил последние деньги на венки и всякую прочую ерунду! Я сделал для тебя всё, что в моих силах, и ты ещё недоволен?! Почему вообще хороню тебя я, а не твои друзья и поклонницы? Где хотя бы их деньги на похороны, да и твои тоже? Никого нету и в помине рядом, а мою девушку за то, что она возится с тобой, подонком, и рискует вместе со мной, ты решил сделать дурой?! Да? Из-за того, что нет пушек и негров! Ты, потусторонняя сволочь, просто издеваешься над нами! Но на меня где сядешь, там и слезешь! Я тебя сейчас такого в яму спихну и сверху гробом пришлёпну!

«Я не могу! Не могу! Не могу быть похороненным так!»

– Как так? И почему? Чем тебе не нравится? Место замечательное. Да и вообще, какая разница тебе, где будут лежать твои кости? Не жить же тебе в могиле? Хотя кто тебя знает. Но всё равно – место замечательное. Лучше не найти!

«Я не хочу быть погребённым бесславно».

– Ты не хочешь, а я что должен делать в связи с этим? Что!?

«Я хочу оркестр и пушечную канонаду».

– Вот сволочь неуёмная.

Я быстро подошёл к нему и нажал на голову, намереваясь выпрямить тело, но голова вдруг соскользнула с его шеи, стукнулась о край гроба и покатила по земле.

«Оркестр и пушечную канонаду!» – злобно повторил герр.

– Ах так, ну ладно, будет тебе канонада.

Я подхватил Лену и, оттащив её подальше, вернулся к уазику. Топором я пробил бензобак на нём, отбежал в сторону и бросил спичку. Полыхнуло пламя, грохнул взрыв, потом второй, и в клубах дыма мы с Леной вдруг увидели разряженных лошадей, волочащих пушечные лафеты, и красивых пушкарей за ними. Аустерлиц сложился в гроб, и шестеро здоровенных негров в набедренных повязках поддели под гроб белые канаты и под бодрый марш военного оркестра стали опускать его в низ. Оркестр сверкал начищенными трубами и блестящими галунами, лошади перебирали копытами, пушки стреляли раз за разом, а негры в клубах дыма уже закапывали моими лопатами могилу.

А вот друзья и поклонницы так и не явились.

– А где же?... – хотел язвительно спросить я герра, но Лена перебила меня.

– Как красиво, – восхищённо сказала она. – Как в историческом кино.

– Да, красиво, – согласился я и вдруг почувствовал облегчение, подобное тому, словно я сбросил гору с плеч.

Я постоял с минуту, наблюдая за этой бесовской картиной, вздохнул и повернулся к девушке.

– Но дело сделано, и нам пора идти назад, – я обнял Лену за плечи и медленно повёл в сторону от вершины холма. – Сейчас это всё закончится, а нам надо уходить отсюда. – Пойдём, Лена, ты сегодня натерпелась со мной ужасов. Надо

отдохнуть от этого всего и тебе, и мне. Пойдём, сладенькая, пойдём, девочка моя отважная и безрассудная, пойдём к дороге, а там на попуточку, и домой, в квартирку с разломанной дверью, в кроватку с тобой, любименькой...

– Как то странно ты заговорил. Почти как поэт. Ты умом слегка не тронулся?

– Насчёт «слегка» я не уверен.

Отдалившись шагов на двести, мы слышали сзади деревянный скрежет и одновременно оглянулись. На фоне звёздного неба высился крест.

– Какой он огромный, – сказала Лена.

– Да, – согласился я, – мы привезли намного меньше.

И вдруг он полыхнул огромным, осветившим весь мир, красным пламенем.

* * *

Я очнулся от ослепительной вспышки и даже когда открыл глаза, то какое-то время не видел ничего, кроме заволаживающей красноты пламени. Потом до меня донёсся настырный стук в дверь, и я наконец понял, что нахожусь в своей каморке на комбинате.

– Сейчас! – крикнул я каким-то осипшим голосом и попытался встать, но ноги подо мною подкосились, а через мгновение их стало колоть и ломить. Я их отсидел и теперь не мог подойти до двери. Они болели, оживая, и абсолютно не слуша-

лись.

«Мать божья! Да что же это, чёрт побери!?»

– Просыпайся, Паша! – крикнул знакомый голос из-за двери – И пойдём домой. Собирайся, пошустрее.

– Ладно, – прохрипел я и ошалелыми глазами уставился перед собой. Боль отступила, и передо мною быстро промелькнуло всё то, что я увидел только что во сне. И теперь я озадаченно, не в силах вообще хоть что-то подумать, пытался переварить увиденное.

«Я же не просто это всё увидел. Я пережил!»

Более чем в озадаченном состоянии я достал из кармана ключи от квартиры и посмотрел на них. В столе должны были лежать палка копчёного сыра и шматок сливочного масла. Они были на месте.

Ну правильно. Куда же они могли деться? Я прошёлся туда-сюда по тесной комнатухе и, вернувшись за стол, достал свою тетрадь, раскрыл её и с авторучкой в руке перед чистым листом задумался.

Полнолуние

В один из своих законных выходных Лена и Сергей собрались посетить матушку-природу и запастись ее плодами. Пора была дождливая и теплая. Грибы в город со всех концов области везли все кому ни лень. Вот и Сергей с Леной решили на пропускать грибную лихорадку и запастись на халяву тем, что осенью в лесу под ногами растет, а зимой на рынке ой-ё-ёй сколько рубликов стоит.

Сергей вспомнил, что бывал пару раз с друзьями в некоем бору, почти за сотню вёрст от города. И он, этот бор, огромен, дик и не настолько, как казалось, истоптан горожанами, как какие-нибудь близлежащие лысые посадки, в которых грибники ходят след в след нескончаемыми стаями. В общем, если ехать, то только туда. Лена безропотно согласилась: туда, так туда. Ей, собственно, было все равно куда. Лишь бы лес, травка, елочки-палочки, грибочки какие-нибудь. Но раз мужчина сказал, что надо к черту на кулички, значит – к черту. Главное, вообще согласился в кои-то веки из города выбраться.

Она наготовила еды на целую неделю, купила специальную одежду, красивые корзинки и целый ассортимент средств от комаров и клещей. Даже заставила Сергея положить в машину одеяла и подушки, а также сменные комплекты белья.

Лена, конечно, умничка. Но и Сергей – парень не промах. Набрал больших пакетов под грибы. Взял топор, ножи, мощный фонарик на аккумуляторах, непромокаемый военный комбинезон для себя и маленькую газовую чудо-печку. Денег на сборы ушла уйма. Если на них зимой купить готовых маринованных и соленых грибов – хватило бы года на три. Но суть и прелесть поездки, в конце концов, не в количестве собранных грибов а в приобщении к природе. И к тому – же, если в этот раз грибы и обойдутся дорого, то зато в следующий, уже ничего покупать не придётся и они достанутся почти бесплатно.

И вот под колесами шуршит асфальт. Ветер в приоткрытое окно треплет длинные волосы Лены. И она ему не противится, лишь иногда убирает падающие на глаза шелковистые пряди.

Как они всё здорово придумали! Даже то, что едут так далеко. Они уже давно дальше города никуда не выезжали.

Темные глаза Лены весело блестят. Сергей тоже рад «утопить» на трассе педаль газа до полаика. А то тачка, как застоявшийся жеребец, так и загнетса, не повидав воли.

Но вот и бор. Поздновато, конечно, приехали, обед уже. В это время нормальные грибники уже, навьюченные добычей домой идут. Ну, да ладно.

– Заедем поглубже, – говорит Сергей, – где народу поменьше побывало.

И они ехали, ехали, ехали. Сворачивали по лесным до-

рогам то направо, то налево и никак не могли выбрать место, с которого начать набивание пакетов грибами. Везде то поодиночке, то целыми компаниями встречались грибники а после них вместо грибов из листвы белели срезы ножек и валялись, брошенные, червивые экземпляры. А кое где, даже попадались полноценные заторы из машин.

Вот тебе и «край нехоженных дорожек». Эт куда же ехать то надо, что б, с природой уединится?

– Сереж, мы всё едим и едим а обратно то найдем дорогу?

– А чё её искать? Как приехали, так и уедем.

– Ну да. Конечно. Но, может, хватит уже кататься? Остановись где-нибудь, скоро темнеть начнет.

– Еще немного. Не может быть, чтобы весь лес вдоль и поперек прочесали. Найдем нетронутый островок. – И Сергей рулил и рулил, сворачивая на еле заметные дорожки, заросшие метровой травой, и, наконец, остановился. – Давай, здесь, что ли, посмотрим.

– Фух! – выдохнула Лена, улыбнулась и вышла из машины. – Красота-то какая! – воскликнула она, оглядывая высокие сосны и вслушиваясь в нереальную, волшебную, тишину.

Сергей потянулся, разминая затекшие за дорогу мышцы, и налил себе кофе.

– Лен, будешь?

– Да, налей, пожалуйста. Есть хочешь? У нас всего полно.

– А ты?

– Ой! Я наступила на гриб! Как он называется? Здесь еще!
И еще! Ах, скорее мне корзинку и ножик!

– Покажи-ка!

– Вот смотри! Что это за грибы?

– Я, если честно, знаю только один вид грибов – его ни с каким другим не спутаешь: мухомор. И еще соленый на тарелки. Это точно не мухомор.

– У нас же есть книжка с картинками про грибы. Давай, посмотрим.

– Давай. Сейчас принесу. А ты срежь гриб и посмотри: если он червивый, то внутри у него дырки. Значит, съедобный. Поганки черви не едят.

– Ой, ему же, наверное, больно – ножиком.

– Н-да, это проблема. Ну, ты попроси у него прощение.

– Извини, грибок!

Грибов всё-таки оказалось много и всяких. Или их во всем лесу было больше чем травы, или им всё-таки попалось место, по которому еще не успела пройти орда грибников.

Восторженному визгу и писку Лены не было конца. Она со счастливым видом ползала на четвереньках, раскапывала листовные кучки и, если находила под ними груздик, рыжик или свинух, издавала победоносный клич индейца и с благоговением укладывала трофей в корзину. А Сергей потом относил трофеи к машине и высыпал их в большой

пакет. Первый куль набрался довольно быстро, но грибки прилично удалились от машины. Поэтому Сергей следующий пакет поставил прямо около Лены, решив, что позже перенесет всё сразу.

Они теряли друг друга из вида, кричали «Ау!», вновь находились и опять терялись. Иногда кто-то отзывался на их крики. Они смеялись.

Третий и четвертый пакеты, Сергей поставил еще на большем отдалении от машины. А время уже шло к вечеру. В лесу стало темнеть.

– Лен, пора заканчивать. Хватит уже.

– Ну, еще немножко, – просила она, не в силах оторваться от то там, то там, словно по волшебству, появлявшихся грибных шляпок.

– Мы уже набрали столько... Что делать с ними будем?

– Друзьям отдадим.

– Здорово! Они будут счастливы!

– Ну, пожалуйста! Ещё немножко по собираем. Вон ещё рыженький!

– Пять минут. Темнеет. И жрать охота.

– Поняла: пять минут.

Сергей вышел на какое-то подобие дороги, поставил корзину и закурил. Здорово все-таки, что они приехали именно сюда. Не зря он так далеко заехал. Удачно очень.

Не в первый раз за сегодня он увидел грибников: парня с девушкой. Они похоже уже ничего не собирали, а просто

шли, поскрипывая оцинкованными ведрами в руках. Сергей улыбнулся, увидев полные ведра. Ребята остановились. Вид у них был растерянный.

– Извините, – заговорила девушка. – Вы здесь машину не видели? Шестерку красного цвета?

– Нет. Не видел. А что, она здесь стояла и пропала? – попытался он пошутить – Или вас друзья бросили?

– Наша это машина. – ответила девушка – Гадаем вот, тут она стояла или еще где.

– С трех часов, – добавил парень, – ищем и найти не можем.

– Как же так?

– Так вот. Не первый раз в этом лесу, а от ошибки не убереглись.

– От какой? – спросил Сергей.

– Нельзя переходить дорогу, то есть из одного квартала в другой перебираться. Если заблудился, а потом вышел на дорогу, то надо идти по ней по кругу, и придешь к нужному месту. А мы теперь неизвестно где, и машина наша тоже не знаем, где.

– Такую, что ли, дорогу? На которой стоим?

– Она где такая, где более наезженная. А в общем, да, такая.

– Чёрт! Мы тоже уже не одну дорогу перешли. Извините, ребята, удачи вам. – И Сергей бросился к Лене.

– С кем это ты там болтал? А?

– Лена, бросай всё и пошли. Сейчас очень-очень быстро станет темно. – Он взял ее за руку и повел. – Надо торопиться.

Лес накрыла темнота. В душу Сергея постепенно закрадывалась неуверенность. Он никак не мог найти мешки с грибами. Белые пакеты, такие казалось бы заметные, которые, должно быть видно чёрт те откуда, будто исчезли. И лес... Казавшийся поначалу таким разным, вдруг весь сделался одинаковым. Сосны – близнецы, кусты – близнецы, пни – близнецы. И даже валежник и холмы похожи один на другой. Всё кругом одинаково, и абсолютно не понять, куда идти.

– Сереж, а где наши грибы?

– Где-то здесь, сейчас найдем. – Он уже не на шутку нервничал. Те ребята с трех часов ищут свою машину, а время уже к девяти. Чёрт побори!

– Куда подевались наши грибы? Их, что, украли? – Лена виновато улыбнулась, ей передалось его волнение.

– Грибы украли!?! Ты спятила?

– Мы потерялись?

Сергей остановился. Она тоже.

– Сейчас все найдем, – успокоил он Лену и потащил ее вперед, решив добраться до какой-нибудь дороги и попытаться отыскать в первую очередь машину. Но они шли и шли, а ни дороги, ни мешков с грибами, ни машины не попадалось. Лес погрузился в непроглядную тьму.

– Чёрт! – выругался Сергей. – Говорил тебе, что надо было раньше двигать назад.

– Сереж, может компас? – тихо произнесла Лена.

– В машине он! – рявкнул Сергей.

– А фонарик?

– Тоже в машине!

– А мозги свои ты в машине не оставил? Зачем надо было покупать эти вещи, если не брать с собой в единственное место, где они могут пригодиться? Что теперь делать?

– А чем бы тебе компас помог? Я им пользоваться не умею.

– Зато оделся, как зеленый берет. Что ты вообще умеешь? В трех соснах заблудился.

– Придется ждать рассвета здесь.

– Ни за что! Что хочешь делай, а найди машину! Я тут с ума сойду от страха. Здесь полно жуков, пауков, змей. Меня отсюда сразу в дурдом везти придется.

– Хорошо, подожди, я пойду поищу.

– Нет! – Она вцепилась в него.

– Ты чего?

– Чтоб ты меня потерял так же, как мешки?

– Тогда не выступай.

– А ты, сделай что-нибудь! Может, позвонить кому? Милиции, спасателям, маме?

– Ага, попробуй. Аллэ-аллэ! Здесь никакая связь не работает.

– Что же делать? Мне страшно.

Сергей взял себя в руки и улыбнувшись в темноте обнял Лену.

– Ну, чего ты боишься?

– Тут же звери водятся всякие: кабаны, лоси. Они нападут на нас.

– Да съели уж их всех давно.

– Кто, волки?

– И волков тоже съели.

– Кто!?

– Люди. Кто же еще?

– Ну уж, не всех.

– Видела сколько грибников в лесу? А представь, что в охотничий сезон они все станут охотниками. Звери – не грибы, не растут после дождичка. Так что ничего не бойся. Любой зверь, если вдруг появится, увидев нас, сам первым задаст такого стрекача, что ой-ёй-ёй.

– Мне все равно страшно. И я не хочу ночевать в лесу.

– В моей корзине термос с кофе и что-то из твоей стряпни.

– О, это уже что-то. Ладно, если действительно разведешь костер, будешь настоящим зеленым беретом.

С костром пришлось повозиться из-за сырости. Но в конце концов заплясали веселые огоньки. Сергей натаскал побольше дров, и они уютно расположились у ствола огромной сосны.

– Чудеса! – сказала Лена. – Ни разу не проводила ночь у костра. А ты?

Сергей присел рядом с ней и накинул ей на плечи свою куртку.

– Было дело, – лениво, будто не желая признаваться в тёмном прошлом, ответил он. – Как-то с пацанами подожгли на стройке бочку с битумом, убежали и смотрели, как она пылает, пока пожарные не приехали.

– Ха!

– А еще у друга в деревенском доме пили с компанией. Ну а поскольку дров в запасе не было, за ночь разобрали и сожгли весь соседский забор.

– А что сосед?

– Это вспоминать не хочется.

– Сплошное хулиганство. Порядочное что-нибудь рассказать можешь?

– Порядочное почему-то в голове не держится. Хотя было, конечно. Но не помню. А вот, если хочешь, еще расскажу, как дом почти спалили, тоже в деревне – это хорошо помню. Решили во дворе кучку сухой травы сжечь. А от нее как начало все полыхать по земле и пошло в сторону дома. К огню не подойти. Короче, три пожарные машины примчались, вся деревня сбежалась, но полдома все равно сгорело. – Сергей вздохнул и достал из кармана сигареты. – Огонь, Лена, это игрушка дьявола. Вот сейчас красивый, ласковый, словно кот мурлыкающий. Греет, комаров разгоняет, округу

освещает. А заснем – отскочит уголек в сторону, вспыхнет веточка, потом другая. Огонь прыгнет по смолистой сосне вверх. Откроем глаза, а перед нами пылающий мир.

– Умеешь ты успокоить девушку, Сережа. Молодец.

– Сама спросила про костер. И чего я такого сказал? Сейчас в лесу сыро. Нечего бояться. Видела же – я целый час костер разжигал.

– А знаешь, почему?

– Ну, и почему, по-твоему?

– Потому, что ты идиот и ничего не умеешь.

– А-а, вон как, – обиделся Сергей. – А зачем живешь с идиотом?

– Потому, что ты меня обманул однажды и обманываешь до сих пор. Строил из себя мужественного, надежного. А я слепо верила. Казался нежным, внимательным, но ты притворялся. Я и сама приписывала тебе качества, которых в тебе нет. Дура. Говорил, что любишь меня, а на самом деле уже давным давно никого и ничего не любишь, кроме себя и своего комфорта. И еще знаешь что?

– Что?

– Когда с моих глаз сползла пелена, я просто поверить не могла, что влюбилась в такого уродя, как ты. В тебе же нет ничего, за что бы глаз мог зацепиться. Низкорослый, худющий, почти лысый. Вот так вот, Сережа. Все твои достоинства в моей любви к тебе, а сам по себе ты никто и звать тебя никак.

Сергей обреченно вздохнул, встал, чтоб подбросить веток в костер, и снова вернулся на свое место.

– Извини, Лен, но я к тебе тоже как бы давно страстью не пылаю. Много в тебе меня просто бесит: то жратву пере-солишь, то недосолишь. Иногда так есть охота, что стенку грызть готов, а ты на кухне каких-то сусликов в компоте три часа готовишь. Прибить хочется. Про постель вообще молчу.

– А что постель?

– Я секса жду, а ты будто дура какая-то: то ли ломаешься, то ли правда не хочешь. А если и удостоишь вниманием, так всё тебе не так да не эдак. Осточертело это.

– Сам виноват. Надо же с подходом. С лаской, с нежностью.

– К жене, что ли? Каждый раз одну и ту же комедию ломать?

– Нет, блин. Как к станку надо. Подошел, за ухо дернул, по попе шлепнул, трусы стянул и вставил.

– А вспомни, какой у нас раньше секс был! Делали друг для друга все, угадывали малейшие желания друг друга, дарили наслаждение, не жалея ни времени, ни сил. Ты отзывалась на самые простые ласки и поцелуи. Сейчас же, во время секса тебе только сигареты в зубах да книжки перед глазами не хватает.

– Вы мужики, только об этом и думаете всё время. Кого бы трахнуть.

– Женщины, тоже в желаниях не отстают. Только на жен,

видимо, это не распространяется. У тебя есть любовник?

– Что-о-о?

– А что мне еще думать?

– А у тебя любовница есть?

– Нет. Не раз хотел завести со злости, да не могу.

– У меня тоже никого нет.

Сергей снова подбросил хвороста и закурил. Помолчав, проговорил:

– Что с нами происходит? Мы словно чужими стали. Но это же не так, Лен?

– Не знаю. Может, из-за меня всё. Из-за того, что ребенка у нас нет. Я накручиваю себя. Чувствую себя нескладной уродиной. – Она вдруг заплакала. – Ты прости: наговорила всякого...

– Я тоже. Этот лес... Думал, поездка каким-то образом взбодрит наши отношения. Мечта идиота не сбылась. Только хуже вышло. Как всё в последнее время: хуже и хуже становится. Я правда такой урод?

Лена шмыгнула носом.

– Почти что.

– Ну вот... Собственно я это всегда знал. Но Лена, скажи, мы же любили друг друга по-настоящему? А теперь, та любовь умерла? Мы больше не нужны друг другу?

– Я думаю, что не умерла, но не знаю, как спасти наши отношения. Иногда пытаюсь что-то сделать, но ты не замечаешь, и у меня опускаются руки.

– Со мной бывает то же самое. Мы оба стали глухими и слепыми.

– Да, так и есть. И кончится это тем, что мы потеряем друг друга.

– Ты хочешь этого?

– Нет. Не хочу. Можешь не верить, но я по-прежнему люблю тебя.

Лена улыбнулась, прислонилась к нему. Получилось так, что взгляд ее устремился к небу и она ахнула. В просвете между макушками сосен небо, словно бисером вышито, было сплошь усыпано звездами.

– Чудеса, – сказал Сергей. – Совсем недавно всё небо было затянуто тучами. А теперь смотри, вон там огромный шар – это луна.

– Такая большая и так близко.

– Да. Очень близко.

– Сегодня, что, полнолуние?

– Похоже на то.

– В полнолуние должны происходить разные непонятные вещи. Ведьмы летать, вампиры выть... Ну, так считается.

– Правильно считается. Разве обычно то, что мы с тобой сидим в дремучем лесу у ночного костра и разговариваем о нашей ушедшей любви?

– И не орем друг на друга. И даже, кажется, понимаем друг друга. А завтра вернемся домой, и все станет, как прежде.

Сергей обнял Лену и внимательно посмотрел на нее.

– Действительно, ведь эта ночь не из прежней нашей жизни. – Он усмехнулся, и она, поняв его, засмеялась.

– Что ты предлагаешь?

– Давай, полюбим друг друга, будто в первый раз.

– Здесь? – Лена снова рассмеялась. – Жестко же и неудобно.

– Конечно. Мы же в лесу.

– А вдруг кто увидит?

– Хорошая причина не опозориться.

– Да-а?

– Да.

– Ну, что ж... – медленно произнесла Лена. – Посмотрим, на что способны твои старые кости при свете нереально огромной луны. Ты уже превращаешься в могучего и ненасытного монстра...

Проснулась Лена оттого, что кто-то щекотал ее лицо. Она открыла глаза и чуть не закричала от ужаса. Но крик застрял в горле, а тело будто парализовало. Прямо над ее лицом склонилась огромная голова лосихи. Она осторожно обнюхивала ее, слегка пофыркивая. Лосиха огромными круглыми глазами долго и печально смотрела на Лену, потом подобрала с нее какие-то травинки и стала жевать. Рядом стоял лосенок и жадно сосал материную вымя. У Лены вдруг пропал страх, ей сделалось безумно весело.

«Ты зачем пришла? – про себя спросила она. – Случай-

но набрела? И не боишься нас? Можно я тебя поглажу?» Осторожно протянув руку, она потрогала лосихину морду. Та не возражала, и Лену охватил такой восторг, что она боялась пошевелиться. «Спасибо, что зашла, – также про себя сказала Лена. – Лосиха замотала головой. – Мне тебя даже угостить нечем. Прости.»

Лосиха фыркнула, снова мотнула головой и медленно пошла прочь, стараясь не столкнуть теленка, который никак не мог отцепиться от соска материнного вымени.

Лене хотелось кричать и прыгать от восторга, но она почему-то молчала, лишь села сжала кулачки и, зажмурившись, потрясла ими. После чего бросилась искать в карманах мобильный телефон, чтобы сфотографировать. Но пока нашла, пока включила, звери скрылись в предрассветной мгле. Она чуть не застонала от огорчения, бросила взгляд на потухший костер, и снова забралась под бочок к Сергею. Ему – она почему-то это знала – Лена ничего не расскажет. Он не поймет и не поверит. Да ему это будет и неинтересно.

Утром вчерашние страхи показались нелепыми. Сергей с Леной без особого труда нашли свои вчерашние грибы и машину.

– О, еда! – воскликнула Лена. – Вода, музыка, подушки и мягкие сиденья! Да здравствует цивилизация!

Они умылись, от души поели и теперь, валяясь в траве на опушке, не очень-то и горели желанием уезжать. Утро было солнечным, пели птицы, да и без всяких причин было так

классно, что не хотелось прерывать этого чуда.

Лена забралась на Сергея и стала его целовать. Он вопро- сительно нахмурился – что это значит?

– Не знаю, как будет завтра, сказала она, – но сегодня я тебя снова люблю.

Она вспомнила огромную, в полнеба луну, лосиху с при- липшим к ее вымени неуклюжим теленком и спрятала счаст- ливую улыбку, уткнувшись в Сергеево плечо. «У нас будет ребенок», – знала она теперь.

Машина плавно покачивалась на неровной дороге. Сер- гей, памятуя о вчерашнем, старательно вспоминал, как они ехали, а то, не дай Бог, начнут плутать, кончится бензин и придется еще одну ночь проводить здесь. Повернув оче- редной раз, прямо перед собой увидел вчерашних потеряв- ших машину грибников. Он остановился и крикнул:

– Привет!

– Здравствуйте, – ответила девушка а парень слегка кив- нул.

– Нашли свою машину? Может, помочь? Садитесь, по- ищем вместе.

Молодые люди в недоумение переглянулись.

– Вы о чем? – спросил парень. – Мы только что приехали и ничего не теряли.

– То есть как? – изумился Сергей. – А вчера?.. Вы же?..

– Удачи вам, – помахала рукой девушка. – Мы пойдем. –

И они ушли, скрипя пустыми ведрами.

Сергей ошарашено посмотрел на Лену.

– Что за ерунда? – вспыхнул он. – Вчера вечером я разговаривал с ними. Они искали свою красную шестерку.

Лена пожала плечами.

– В какие игры они со мной играют!?

Хлопнув дверью, он бросился за грибниками, но через пять минут вернулся.

– Никого нет. Как сквозь землю провалились.

– Забудь, ты. Нашел из-за чего нервничать.

– Ладно. – Он завел мотор. – Ты же их тоже видела? – Сергей настороженно посмотрел на Лену. – Они только что здесь прошли...

– Кто? – серьезно спросила Лена посмотрела по сторонам – Ты случайно не ел мухоморы?

Золотое сердце

Из серии странные сны!

Что произошло в моей чертовой жизни? Все умершие, брошенные и бросившие меня вдруг встали на дыбы и ополчились. Погибшая мать всё чаще приходит на ум и чего-то от меня ждет. Не для себя, а чтоб я сделал что-то ради себя. Бывшая жена, скотина, радостная прыгает ко мне на диван и что-то мне втолковывает, и выглядит при этом, как десять лет назад – то есть так, что в нее можно влюбиться.

Мелькают в том или ином ракурсе и другие лица из прошлого, и всё вместе это так берет за горло и за ум, что нет сна и аппетита уже который день.

Так вот, прыгнет она с радостной улыбкой, тряся белокурой челкой, ко мне под бочок, что я в ужасе подскакиваю, распахиваю глаза, тарашусь в непроглядную тьму и потею от раздумий: зачем, к чему, за что и почему?

И начинается: кофе пятый раз среди ночи, десятая сигарета. И ищет серая мозговая жидкость заковыристые, извилистые, грязные лазейки и потаенные ходики для своего движения.

Третий день, пятый, десятый – и ничего не меняется. И только удивление перерастает в недоумение: как можно столько времени не есть, не спать и при этом вести обычный

образ жизни. Уже нервы звенят и хочется заорать – осточертело! Хватит!

Но к кому обращаться? Кто виноват?

Умри! Взмахни волшебной палочкой и развей чары, если это наваждение. Сгинь, если это нечистая. Гадалка, возьми деньги и найди разгадку...

Гадалка – дура бестолковая. Палочка мага годится только на то, чтобы таким гадалкам по лбу бить. А бывшая – довольная, улыбается. И я знаю почему. Она злорадствует, думает: «Понюхай и ты *это*». И трясет костистыми руками перед моим лицом, щерится беззубым ртом, корчит без того сморщенную, как сушеный чернослив, морду и дышит на меня смрадом. «Как тебе живется? – ехидно шипит она, растягивая слова. – Не одиноко? – И вылезает из мохнатой ступы, гремя о пол костяной ногой и скрипя коленными суставами. – Пусти, и я тебя согрею.» – И начинает долбать ступой по половицам.

И я вдруг слышу, что в дверь действительной кто-то стучит. «Неужели баба Яга?» – недоумеваю я. Иду открывать: на пороге девчушка лет примерно семнадцати. Она обессилено сползла по косяку на пол, и я увидел, что она вся в грязи, крови, и мокрая.

«Что за нелепость? – думаю я. – Откуда она здесь взялась? В глухой деревне, на окраине? – Подхватив, затаскиваю в дом. – Откуда приползла в глубину леса? Свалилась с неба? Или, как лесная нимфа, вышла из тумана и, спо-

ткнувшись о сучок, расквасила нос?»

Я укладываю ее на кровать и продолжаю размышлять. А, может, как в кино, она, такая одинокая и красивая, случайно шла мимо, и увидев свет в моем окошке, захотела пить, и стала пробираться сквозь густые заросли, падающие на пути деревья и цепкие ветки, хлещущие ее по лицу? Она упорно шла, зная, что идет на зов судьбы, преодолела всё и добралась. Вот уже дом, и вон, виднеется дверь. И тут совсем неожиданно она наткнулась на колодец и свалилась в него.

Под глазом фингал, и лицо так исцарапано, что и не поймешь, что она из себя представляет. А вот фигурка ничего.

– Что с тобой, дочка? – спрашиваю я. – По тебе олени, что ли, пробежали?

– Помоги же мне! – жалобно произнесла она. – Пожалуйста! Мне очень плохо. Я, кажется, умираю.

– Вызвать тебе скорую?

– Нет-нет! Не надо, пожалуйста. Не беспокойтесь так.

– Но вдруг ты умрешь? Вдруг у тебя что-нибудь серьезно повреждено?

– Я просто очень испугалась. Мне надо просто отлежаться и успокоиться немножко.

– Ну, ладно. Полежи. Не жалко. А откуда ты здесь взялась?

Но она уже то ли онемела, то ли остолбенела. Я пододвинул кресло и, не на шутку озадаченный, сел рядом. Девочка не двигалась, но дышала. Я отошел к окну.

Начинался рассвет. Под деревьями клочьями валялся туман. Сквозь стекло визуальнo чувствовалась утрення прохлада, и я распахнул оконные створки – свежесть взбодрит и, как пыль из старого матраса, выветрит из меня табачный дым. Ничего необычного в пейзаже под названием «Утро в деревне» я уже не видел: природой, деревьями и реками сыт по горло, прохлада скоро проберет до костей, вокруг, до коль глаз хватает, серость, навозные кучи и покосившиеся дома. Скоро начнут свое гнусное дело комары и тому подобные твари.

На какое-то время завораживает недвижимое спокойствие, но уже скоро хочется отравиться сигаретой.

...Я прикрыл окно и вернулся в кресло. Девочка взглядом следила за мной.

– Как тебя зовут? – спросил я, на что она шевельнула сухими губами, но звуков не получилось, и она сама, дотянувшись до бокала с водой, медленно выпила.

– Лена.

– Ты Лена, а я Сергей. Вот и познакомились. Погода сегодня прелестная, не правда ли?

– На улице темно. Не вижу. А здесь так провоняло куревом, что воздуха не чую.

– Раз ты уж так разговорила, расскажи, что с тобой случилось.

– Сама не пойму, что со мной произошло в этом чертовом лесу. Шла себе и шла. И вдруг – бац, хрусь, бульк... Ну, что

это такое было?

– А в лесу-то как ты оказалась одна?

– Я и не помню толком. Помню только папу-генерала и какого-то дурищу с ним. Десантировали они меня сюда. На фига, спрашивается? Не понимаю, как такое может быть. Не верите мне?

– Пьяна, что ли, была, не помнишь ничего?

– Да вы с ума сошли! Пьяница я, что ли, по-вашему? Ну, вы и фрукт!

– Но кто-то и за что-то тебя отдубасил?

– Вы думаете?

«Бедная девчонка, – меланхолично размышлял я. – Кто и за что ей так накостылял? Но, может, я сильно ошибаюсь? И этот лежащий на моем диване щупленький детеныш женского рода – злобный и безжалостный монстр, калечивший направо и налево тела, души и частную собственность добропорядочных граждан. Тогда скоро и мне – каюк. Вот очухается, меня полусонного по темечку треснет, в большой мешок сгребет мою подвижность, вытащит из моего кармана сто рублей, сунет кухонный нож себе за пояс, подожжет дом, в котором обрела приют, а пока старушки-соседки будут бегать с ведрами тушить пожар – пойдет потрошить их матрасы в поисках пенсионных накоплений».

Телефонный звонок прозвучал, как паровозный гудок. Я подпрыгнул. У девочки Лены задрожали веки. Но определи-

тель сообщал о хорошем. Звонила соседка. Девушка – друг.

– Привет, Марина, рад тебя слышать. Как у тебя дела?

– Ой, у меня всё хорошо. А у тебя? Ты почему-то перестал звонить.

– Разве? Я же звонил тебе вечером, сейчас только утро.

– Но мне так хочется кое-что рассказать тебе, а сама позвонить не решалась. Вдруг у тебя девушка?

– У меня? Девушка? Как ты могла такое подумать?

– А разве этого не может быть? Встретил кого-то, влюбился и забыл обо мне. И я как друг это пойму и даже, может, чем-то тебе помогу, что-то подскажу. Ведь не могу я стоять на твоём пути к счастью.

– К счастью!?

– Конечно. Так что можешь мне честно всё рассказывать, я только порадуюсь. Признайся, подцепил кого-нибудь?

– Нет!

– Ах, как жаль.

– А ты?

– И я – нет. Ты же знаешь, тут на работе одни бабы.

– Прекрасно.

– Прекрасно?

– Не хочу как друг отдавать тебя в чужие и незнакомые руки. И вообще, ни в какие.

– А-а, – выдохнула Марина.

– Да-да. А ты когда приедешь?

– Вечером.

- Хочешь, я тебя встречу?
- Это было бы здорово. Но тебя это не затруднит?
- Нисколько. А тебя никто другой встречать не будет?
- Я буду ждать тебя.
- Ну, значит, я приду.
- В двадцать тридцать. А потом дома я угощу тебя чаем.

И еще я привезу тебе подарок.

– Марина – это твоя девушка? – спросила Лена.

– Не моя. Но хотелось бы чтобы, было так.

– И чё?

– И ни чё. Не твоё дело. Лежи вон. Очухивайся.

– Я и лежу. А ты, значит, уйдёшь?

– Да! Пить с Мариной чай!

– Попить чай можешь и со мной. Я, что, против? Я не против. И разницы – никакой.

– Что то ты разговорилась. А раз так, то лучше объясни, а то я что-то не пойму. Ты говоришь, тебя десантировали сюда? А как и зачем?

Позже я почему-то уснул прямо в кресле, перед телевизором, закинув ноги на табуретку.

Девочка Лена села на кровати. Потом, подойдя ко мне, взгляделась в мое лицо, поводила ладошкой перед ним.

Я никак не реагировал на это. Тогда она потрогала меня за нос, потрепала волосы и, наконец, лизнула в ухо.

– Надо же, как крепко спит, – удивилась она и, повысив голос, крикнула в сторону двери: – Заходите!

Дверь с треском слетела с петель и упала за моей спиной. В дом вошел здоровенный, просто огромный мужчина и сердито посмотрел на Лену.

– Ты что? Не могла дверь открыть?

Следом за ним появился высокий, белобрысый парень в джинсовом костюме.

– Абрам Иванович, – позвал он. – Дверь была не заперта. Но она открывается в другую сторону.

– Не называй меня Абрамом! – рявкнул Абрам.

– Слушаюсь, генерал!

– Ну, что тут у нас? – Генерал снова посмотрел на Лену. – Где?

– Я ничего не нашла. И даже не искала. Потому что не могла. Он все время дома. И мне приходится все время лежать. Здоровяк недовольно прорычал:

– Ладно, поищем сами. Он крепко спит?

– Очень крепко, – ответила Лена. – я ему целый пузырьёк снотворного в чай вылила.

– Ну пусть спит. Только его надо на диван переложить. А то раскорячился на весь дом. Не обойти.

– Осторожно! – воскликнула девочка. – Не дай Бог, голова отвалится или он язык прикусит. Как это потом объяснять?

– Действительно. – Абрам бросил меня на кровать, от чего та съехала с места. – Хорошо спит, – удивился он и обратился

к белобрысому: – Ну, что, есаул, заноси инструменты.

Есаул высыпал на пол ломы, монтировки, топоры с лопатами, и работа закипела. Доски отрывались от пола и разлетались по дому. Генерал с есаулом, как медведь и суслик, копошились в подполе, летела земля, пыль висела плотным облаком.

Лена, как птичка на жердочке, сидела на подоконнике, зажав рот и нос руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.